

МИР МУЗЕЯ

9³¹
2²¹ НАШ
ЮБИЛЕЙ

№ 4 (404) • апрель • 2021

Издаётся с 1931 года

В НОМЕРЕ:
ОХОТНИКИ
ЗА ИСКУССТВОМ

ТЕМА НОМЕРА МУЗЕИ И ТРАВЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

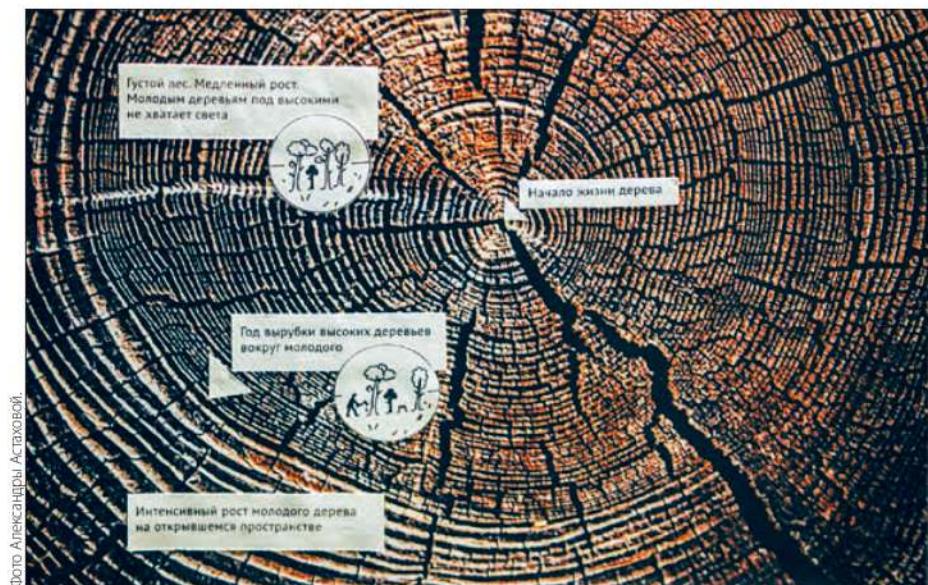

ФОТО Александры Астаховой.

ФОТО Александры Астаховой.

В 2019 году путешествующая выставка «Засушенному — верить» получила статус лучшего реализованного проекта конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда Владимира Потанина и специальную номинацию жюри Интермузея за особый подход к созданию выставок. Об опыте работы над проектом рассказывает его автор и куратор.

Засушенному —

НАДЕЖДА ПАНТЮЛИНА ■ Государственный
БИОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ К. А. ТИМИРЯЗЕВА

ВСЁ НАЧАЛОСЬ В 2012 ГОДУ, КОГДА я поняла, что жизнь наша меняется и пора из истории о травах, которую я знала с детства, сделать сильный музейный проект. Травы были занесены вместе с заключёнными Соловецкого лагеря особого назначения за тысячи километров от мест их обычной жизни к баракам лесозаготовительных командировок.

Классика музеиного дела — когда мы берём далёкий, неизвестный или красивый музейный предмет и раскрываем его таким способом, что он становится понятен людям как предмет своего времени, участник или сви-

детель событий и чьей-то жизни. Актуализация наследия — когда предмет далёкого времени даёт понимание того, что с нами происходит сейчас, и как справиться с происходящим. И тогда люди уходят из музея с при-

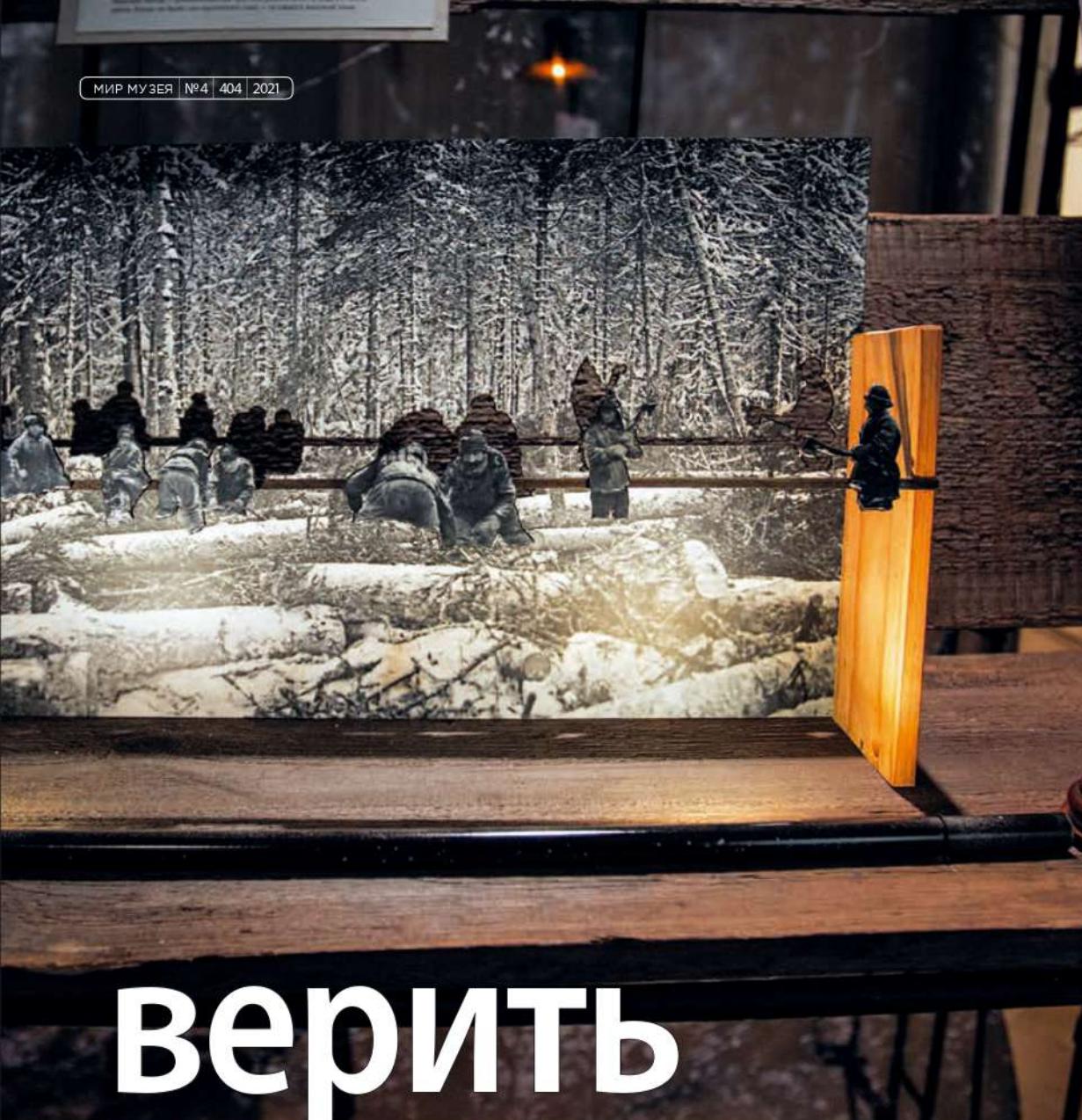
обретением, помогающим жить, и от подаренного им понимания поднимается статус и музейного предмета, и музея. Я расскажу, почему выставочный проект с листами гербария и сухими травами имеет прямое отноше-

ФОТО Игоря Столбикова.

Вверху: Дендрохронологическое объяснение изменения роста деревьев после вырубки леса. Фото 2019 г. ■ **Справа:**

История о Пушкине и декабристах.
Посол Австрии в России Йоханнес Айгнер — среди экскурсантов. Фото 2019 г.

верить

ние к актуализации наследия. Почему он важен для нашей общей жизни. И как сотворить выставку, помогающую чувствовать.

При чём тут география

География — наука, в которой нет места персональной человеческой жизни. Она изучает нашу огромную Землю, распределение по ней населения и ресурсов. Именно так была устроена становившаяся на ноги система хозяйственного освоения лесов и недр, порученная Главному управлению лагерей особого назначения. Нет в документах ГУЛАГа слов «человек» или «гражданин», есть «хознормы», «з/к» и «рабсила», которая бывает I и II категории, но может стать «отработанной и непригодной» или совсем «выйти из строя». Доходя от отправляли в специальные отделения, а умерших начали считать только после специальной комиссии А. М. Шанина колледии ОГПУ, которая представила свой отчёт об обследовании Соловецких ла-

Лампа — возможность взглянуть, участвовать и сочувствовать. Фото 2019 г.

герей в 1930 году. Документы этого отчёта и есть основа наших знаний о системе, для выставки их представил Центральный архив ФСБ России. В подписи к цитатам из него я специально привожу текст бланка на внутренней стороне верхней переплётной крышки: «В деле ф.2 оп.8 пор.116 сведений, составляющих государственную тайну и раскрывающих формы и методы оперативно-розыскной работы, не имеется. Рассекречено. 24 сентября 2002 г.». Эти документы — наше общее достояние, свидетельство страшного периода нашей истории, который надо осмыслить и сделать опытом для будущей жизни.

К архивным документам я добавила результаты исследований геоботаников, флористов и географов, лингвистов, антропологов, историков и участников экспедиции Международного Мемориала. Девять месяцев по-

гружения в архивы, переписки в общей сложности с 108 людьми, которые отвечали на вопросы, проверяли результаты, помогали комментариями.

Есть среди нас люди, которые умеют читать лес как текст и узнавать растения в лицо. Именно они могут объяснить, что должно произойти, чтобы луговые травы из Приуралья укоренились в беломорском лесу: даже если мы будем щедрой рукой ссыпать в лесу их семена, ничего не получится до тех пор, пока люди не вырубят лес, и тогда, в изменившихся условиях освещённости и влажности луговые, травы прорастут. В 1960-е годы их нашёл, определил и собрал ботаник Московского университета Владимир Вехов. Я помню его на Беломорской биологической станции с детства, на ботанических экскурсиях он проводил всех мимо бревенчатых развалин и твёрдо произносил, что это лагерные бараки, хотя в то время архивные документы были закрыты. По тонким деталям леса и внешнему виду трав ему было

понятно, когда были занесены к баракам травы, что их нет в Карело-Мурманском регионе и обычно они произрастают как минимум в трёх тысячах километров. С тех пор вырос новый лес, нет в нём больше места луговым травам, но у нас есть листы гербария; благодаря дате, месту и имени коллектора они — документ. В экспедиции проекта с сотрудником Института наук о Земле Санкт-Петербургского университета Андреем Резниковым мы с помощью дешифровки аэрофотоснимка и методов дендрохронологии проверили датировку рубок леса с точностью до года. На выставке естественно-научные доказательства и листы гербария дополняют и уточняют архивные документы, поэтому название «Засушенному — верить» похоже на помету на исправленных документах.

Фото Александры Стаковой

Зачем и как показывать трудное наследие

Психологи объясняют, что в норме человеческий мозг видит сложное и даже трудное прошлое более счастливым, чем это было в моменты трудностей, — это обычный процесс создания мозгом психологического комфорта, необходимого для жизни. Когда трудности преодолены, то нашими целями становятся новые процессы, а не анализ прошлого. На первый взгляд, трудное прошлое есть не у всех, но общественные отношения устроены так, что во время глобальных процессов не участвующих не остается. И для нас сегодняшних важно не сортировать участников по степени вины, а нашупать в своей жизни калечащие модели поведения, которые мы наследуем от прошлого и перестать транслировать их детям. Поэтому задача музея — придумать способ раскрывать трудное наследие для чего-то очень важного в сегодняшней жизни. И это важное точно есть. Агрессия — одна из витальных, то есть необходимых для жизни, черт человека. Её мы получили эволюционным путем, а почти все действующие инструменты её сдерживания и регулирования выработаны культурной практикой. Мы ежедневно практикуем самые разные типы агрессии, не все из них выглядят как прямое насилие. И совсем не обязательно драться на кулаках или кричать — агрессия выручает нас в моменты отстаивания прав близких, продвижения новой идеи, соблюдения норм приличия, она есть в улыбке в ответ на грубость, умении твёрдо и чётко сформулиро-

Гвозди на карте — места хозяйственного освоения территорий или переработки ресурсов — экономическая география первых пятилеток, система лагерей особого назначения СССР. Фото 2019 г.

вать аргумент, просьбе помочь. Но в нашей жизни есть острые моменты, когда велик риск выплёскивания чрезмерной агрессии. И особенно важно это понимать в ситуациях неравновесного распределения сил, например, «ребёнок и родитель» или «начальник и подчинённый». И ещё у нас есть способность согласиться с проявлением агрессии по отношению к тем, кого мы не считаем своими, а уж если они названы не людьми, а виновниками и предателями — тем более.

Трудное наследие называют еще диссонантным; оно приносит смятение и разлад чувств, явный дискомфорт и, как следствие, вызывает несогласие, сомнение и отторжение. И поэтому я искала и соединяла тонкие бережные образы, которые могли бы подхватить и унести с собой в памяти люди разного опыта и культур. Такие образы, чтобы они помогали почувствовать хрупкость жизни и появляться желанию её беречь.

Есть такая фраза «было и прошло, было-быльё поросло». Но оказывается, травы-быльё могут быть свидетелями событий, а сухие стебельки работают как метафора хрупкости и памяти. В наше время ощущимо растет ценность человеческой жизни, и люди, ставшие жертвами режима, уже имеют право на имена и могилы, мы учимся слышать друг друга и договариваться.

Как устроена и построена выставка

Сценограф выставки Пётр Пастернак, театральный художник, окончивший Школу-студию МХАТ, внук Бориса Пастернака, называет свой стиль барабольным — когда материалом для инсталляции становятся доски старого забора и отцовское шинельное сукно, семейный хлам, потому что именно он хранит следы событий и тонкие детали, накопленные десятилетиями. Я собрала сценарий из образов и документов, и он по нему выстроил тотальную инсталляцию, внутри которой мы проходим через четыре остановки.

В полностью открытых витринах, в контурах которых, обозначенные толстым железным прутом, угадываются очертания дома с двускатной крышей, на выветренных, покрытых мхом и лишайниками заборных досках прикреплены документы.

Первая остановка собирает фрагменты памяти, хранимые в разных местах и разными людьми. К архивным документам, где нет никаких имён, только численные значения рабсилы, прочно пришли корявые ломаные веточки. Листы гербария трав, обнаруженных возле бараков. Карта нашей страны, её красивый снимок со спутника с синими морями и зелёными лесами. Снимок исколот остройками тонкими гвоздиками, в расположении которых знатоки экономической географии видят сеть лагерей и освоения ресурсов. Гербарный пресс — обычный полевой инструмент ботаника, но на выставке он ещё и обозначение крохотного, но насилия, свободы распоряжаться чужой жизнью — вынутых с корнем травинок, сжатых между металлическими решётками.

На с.39: 1. *Бык «Герники» Пабло Пикассо с вырезками из советских газет 1918—1990 гг.* Если попробовать представить себе, как могут выглядеть существа, о которых написаны эти тексты, у них не будет человеческих черт. 2019 г. ■ 2. *Занавес-переход и поезд.* Символ несвободы и перемещения на огромные расстояния и способ, которым люди и травы попали в беломорский лес. 2019 г. ■ 3. *Жест — пожелание доброй дороги и жизни.* Так ботаник Владимир Вехов провожал нас каждый год. 2019 г. ■ 4. *Несколько способов взаимодействия и обратной связи и фанерный чемодан — символ перемен и реабилитации.* 2020 г. ■ 5. *Съедобные травы, спасавшие от голода смерти спецпереселенцев Пермского края, и истории, от которых перехватывает дыхание.* 2020 г.

1

2

3

4

5

Кольберг Ирина Андреевна

Родилась в 1908 году в Риге. Латышка. Инженер на станции Москва-Товарная Ленинской железной дороги. Член ВКП(б). Жила в Москве по адресу: ул. Красина, д. 14, кв. 28. Арестована 3 декабря 1937 года. Осуждена Комиссией НКВД СССР и прокурора ССР по обвинению в вредительской деятельности. Расстреляна 3 апреля 1938 года. Реабилитирована Прокуратурой города Москвы в сентябре 1989 года.

МУЗЕЙ ТРАВМЫ — В ЛИЦАХ

→ Вторая остановка собирает мало заметные следы в лесу, которые могут обнаружить люди, умеющие и читать и дешифровать аэрофотоснимки, и справляться с дендрохронологическим буром и таблицами. Рядом — фотография пней с красивыми шапками лишайника, где среди низких попадаются высокие. Они — тоже следы потери сил и невозможности протоптать снег и сдать приёмщику ствол целиком. Уходящие к горизонту берега бревен, которые развезли потом по всему миру, построили что-нибудь нужное или получили тепло. На этой остановке соединены цитаты о нормах выработки с вроде бы посильными количествами и фотография плаката с лозунгом «Не уйдём, пока не выполним три нормы на двух человек», — хороший урок источниковедческого понимания, что не стоит спешить с выводами. На столешнице — лампа с разведённой на два слоя фотографией леса с пустыми контурами лесорубов и темными фигурками, в которых угадываются люди. Рядом кнопка, предлагающая совершить коммеморативное движение — включить свет, который горит, только если продолжать держать палец на кнопке.

Калеченные веточки пришиты к документам ЦА ФСБ РФ; выше — листы гербария — главные персонажи выставки. Фото 2018 г.

И в этот момент мы можем разглядеть человеческие лица.

В этой части выставки дан первый контекст. Это стулья с описанием причин, по которым советский человек мог быть отправлен в лагерь или лишен жизни; под каждым типом обвинения — подтверждающие архивные документы. У стульев есть голос — разновысокий железный скрежет. Дальше мы проходим через два узких проема в полупрозрачном занавесе. Над головой — поезд с висящими в воздухе колёсами, он сделан из листовой жести и фрагментов таблиц, обложек дел и фотографий. Они из первых контрольных альбомов, в которых начали фиксировать лагерную жизнь после смены концепции «концлагеря и открытый террор» на «исправительно-трудовые и перековка». Поезд — не только символ подневольного перемещения людей, но и способ, которым люди и травы попали в беломорский лес, внутри таких вагонов из возможных удобств могло быть только сено.

На третьей остановке мы попадаем через раскрытую бревенчатую стену в барак — жутковатый телесный опыт нарушения границ. Нары не для того, чтобы можно было сесть, они для плотной упаковки людей лёжа, одежда которых после работы сохнет на них во сне. Именно в этом месте на шинельном сукне лежат предметы, найденные возле бараков. И, как сопротивление забвению — три граффити на бревне; по самому подробному из них в архивах удалось найти человека, теперь мы знаем его имя.

Рядом — узнаваемый бык «Герники» Пикассо с вырезками из 409 наших газет 1918–1991 годов. В финале мы приходим к следам, оставленным в нас сегодняшних, к нашему языку и взаимоотношениям, — в этой витрине фанерный чемодан, по которому

выходившие из лагерей узнавали друг друга. Внутри голос — тихая любовная песня мужу; она не только воспоминание, но и символ того, что можно пройти лагерь, но не взять в свою жизнь ни его слов, ни интонаций. Дважды у пришедших на выставку людей есть возможность оставить свои реплики — о следах в нас и о возможности опознать в себе риски проявления агрессии.

В качестве документов деятельного участия в выставку включены две работы современных художников Андрея Кузькина и Ивана Щукина. Доведённый до линии со сбитым ритмом нескончаемый день заключённого с падением в сон или смерть и акт воли художника, когда он решает фиксировать неуловимое, — следы недели жизни из пыли под ногами. Завершает эту часть выставки огромный холст со втоптанной в него землёй.

Историю трав возле бараков, которая привычным образом была бы показана листами гербария, фотографиями и пояснительными текстами, я собрала как фильм или спектакль, внутрь которого мы попадаем. Все сюжеты показаны парами «гербарий — история», это помогает видеть в сухих растениях уже не только эстетическую или ботаническую составляющие, но и считывать метасмыслы.

На выходе из экспозиции — тонкая игра с рисунками незабудки и позабудки, возможность зафиксировать дорогое воспоминание и отделаться от трудного груза.

Как устроены тексты

Длинные истории листов гербария, которые собирают участники, есть и на сайте проекта,¹ они составляют единое целое с фотодокументами и сухими растениями. К каждой есть направляющая преамбула.

В основной части текстов очень мало, я писала их как закадровый голос и считаю очень важным разбиение на строки, которое даёт ощущение интонации и естественных пауз на выдохе. Текст к лампе с фотографией:

Были ли они?

Пока вы держите палец на кнопке —
горит свет,
и у тёмных фигур можно разглядеть
человеческие лица.

Пока мы хотим помнить,
что эти люди были, они будут.

Так мы помогаем людям понимать, как смотреть музей, как им пользоваться и как с помощью музея понимать себя. □

¹ Сайт проекта <<http://zasushennye.ru/>>.